

САЖКА БАМБУР:

СИЛЬНЕЕ ВЛАСТИ.

Когда ночь воровски накроет спящую землю толстым слоем сыпучего снега, в тихом, ясном, морозном утре подымется солнышко, красотой величественной зеркает степь! Бескратней белой парчей, горя на солнце мириадами искрящихся снежинок, расстилается она перед вами, сливаясь вдаль с серо-голубым небом. Оцепенев, молчит холодный простор, сверкая немой красотой...

Любит в такое утро старый Бамбур-нойон оседлать рыжего Аранзала и выезжать в степь один, без собак, без соколов и слуг. На боку - лук. Колчан, полный стрел, - за плечами. Увесистая плеть - в руке. Он любит сам выследить змею, вихревым бегом коня догнать его и метким ударом плети сшибить, или высоко поднявшуюся птицу меткой стрелой снять.

Белым паром в радуге рвется мороз вокруг морды коня, ледяными иглами метается в редкие усы Бамбур-нойона, но волчья шуба его греет, как утроба матери. Распахнув старую шубу, сквозь тонкий, розовый стеганный мех ощущая свежее дыхание степи. Вокруг, насколько хватает глаз, - ни души. Вдохнул в себя Бамбур-нойон и взглянул на небо: Высоко, высоко, в небесах, маленькая черная подочка кружится над ним степной коршун, - не достать! - Вздохи - ой - подумал старый нойон, слезая с коня. Снял он с пояса лук, наложил дальнотетную стрелу и опустился на одно колено. Откинувшись назад, взял в одну руку тетиву, сплетенную из вычесок девичьих волос, старик начал стрелять. Новичкам молнии прищуренных глаз скосили птицу на миг в сторону, открыли окаменевшие желтовато белые зубы, и коротко и нежно вылетела пушистая стрела.

Бамбур-нойон, следя за птицей. "Раз, два, три, четыре" - успел еле слышно сосчитать, стрела и затрепетала, и тут, птица в вышине, перевернулась раз и, как комочек, пошла вниз. Огнем удовольствия закричались глаза старого охотника. Из птицы скоро оправилась, выравняла крылья и, как будто ничего не случилось, хотела снова забирать вверх, погружаясь в серо-голубой муть.

Путь зацепил, старик, нет уж былой меткости в глазах и крепости в руках - грустно подумал старик, снова садясь на коня.

Сухой, чистый ветер, на целую четверть покрывший землю, легкими брызгами сыплется в лицо. В небе в радуге короткой играет на солнце. Любо по степной степи пустить коня впролом шагом и, мурлыча в нос песню о воле степной, ехать - куда глаза глядят.

Не проехав и пятидесяти локтей Бамбур-нойон, как увидел на снегу адуру. Не проехав и пятидесяти локтей, облепленной богемой о неба на украшение белоснежной поверхности земли. Сочетание сверкающей белизны и свежей адуры так поразило его старика, что он, придержав коня, долго любовался. Наконец, он тихо промолвил:

...как это красиво! Если бы увидеть женщину с такой белой кожей, как этот снег и такими глазами, как эта наша кровь.

*

Там и в далекой степи, в далекой устье Волги, пританиса большой...
...одеждам...
...по...
...и...

Нойонская кибитка в хотоне самая большая. Из двенадцати колен она сложена, двойной полстью обшита, волчьими шкурами внутри устлана. Трещит сухой камыш под таганком. Клокочет котел на нем.

После бодрящей верховой прогулки, возвращается в свою ставку Бамбурнойон. Под'езжая к своей кибитке, уж издали чует старый степняк аппетитный запах свежей оной варящейся баранины. Отдав коня выбежавшему из людской кибитки конику, бодрыми шагами направился он в свою кибитку.

Только он хотел откинуть наружу полость двери, как навстречу ему, растворив внутреннюю дверь, выпорхнула его невестка - жена младшего сына Данзана - восемнадцатилетняя Сякиндя. Маленькими броски старик равнодушный взгляд на невестку и, ахнув про себя, застыл на месте в немом восторге.

Снежной белезной светилось лицо ее, нежной алой кровью горели щеки пухленькие, а глаза, как незамерзший родник в снегу, сияли черным огнем и стройный ряд мелких белопенных зубов сверкнули улыбкой меж меж толстых, румяных губ. Сякиндя была мала ростом, но тонка и стройна, как молодой горный тагалан.

- Уж год скоро, как разъезжал я Сякиндю в дом, а до этого момента я не замечал ее красоты. Снег и кровь коршуна на нем - ничто в сравнении с этой мирной, огневой красотой - думал он уже в кибитке, опираясь о плеч волчьей шкуры. В отыравшем сердце старика неожиданно затеплилась искра восхищения женской красотой. Так иногда, из под лучи отыравшей золы на очаге, начинает дыметь притаившийся где-то и испотухший огонек.

Не прошло и того дня и недели, как Сякиндя, до отражен и изумлением заметив, что старый коник начинает тихо двигаться, ее в своем. При обращении к ней, глаза ее сверка горели большими ласками, что-то похвально от этого старика молодца от такой необычайной любви, но, порою, в глубине его сердца, оного сердца, она казалась что-то притворно от того, что-то старого и усталого много степного восточного восток и той она была красавицей. Давно, давно, оного, лихого наездника, смелого и красивого Дамзана, она любила, все, она была верной и любящей и была ему верна.

Стариком Сякиндя помыслив поглядывая на глаза ее. Видно было, что и пятидесятилетний старик борется с собой, чтобы отвлечь свои чувства к невестке. Но любовь - что пал стальной в сухое тело. Раз, загоревшись, всепожирательным пламенем ширится он, пока не сожжет все, что не пожелает до прогара нестерпимой. Сякиндя вместе с ее в восточной степи. Давно, давно, оного, лихого наездника, смелого и красивого Дамзана, она любила, все, она была верной и любящей и была ему верна.

После долгой зимы расцвела степь. Ласточки пакуты и повором покрывалась она. Табунами калычанки западой, гурлами оюта, дикими оютами овец и верблюдов, выгуливаемых из камышей зарослей в традиционных землях Волги, Кума, Кубани и Маныча, наполнилась степь.

Полилось весеннее радио, забрала красной гуляло. Все улыбается и цветет ярким цветом весной в степи. Лупалось в ослепительных лучах, лихого степи изумительно лаворонной. Звенит и гудит душу песня молодцы у воды, вторит ей издали на милой табуны в степи.

Будничные ласточки красной любви. Бамбурнойон, и дивоса Сякиндя. Все было ослепительным, лихого степи. Давно, давно, оного, лихого наездника, смелого и красивого Дамзана, она любила, все, она была верной и любящей и была ему верна.

В белом шелковом халате, на разостланном перед кибиткой ковре, дежал, греясь на солнце, Бамбур-нойон, когда легкая и стройная, как степная серна, змеясь тонкой талией прошла мимо него Сякиндя, направляясь в свою кибитку. Глубоко рздохнул вслед ей старый нойон, сильнее задыхая трубой черного дерева и, спустя некоторое время, встал и пошел за ней.

Звездой восточной силы красотой, сверкая в зеркале полуоткрытой грудью и обнаженными руками, в легком зеленом цэгдике поверх белой сорочки, собирала она расчесывать волосы, распустив их двумя волнистыми, большими, длинными, блестящими черными пучками, когда неожиданно вошел в ее кибитку свекор.

Поблудная Сякиндя от такого нарушения правил приличия и последила накрыть голову расшитым золотом бархатным джатаком, говоря:

-Я причесывалась, отец; вам нельзя сюда!..

-Сякиндя-мне, деточка чудная, ты можешь не накрывать голову - заговорил Бамбур, перебивая ее.

-Что говорите! Где такой закон, чтобы невестка позвизгала свекру непокрытую голову и причесывалась при нем? - отвечала Сякиндя.

-Деточка, законы и обычаи создаются ханами и нойонами, они же могут их нарушать и изменять....

-Ошибалось, говорите отец. Ханы и нойоны меняются, умирают, а законы и обычаи народа вечны; они сильнее всякой власти, обычаи народа умирают только с народом - весь, гонимый, заговорила молодца.

-Деточка, ты же прекрасная... тебе бы миром править... я потерял покой, я мучался. Попроси тебя, всю степь приведу к твоим ногам, все предстателю устрою - джатак с головы, заговорил Бамбур-нойон, приближаясь к невестке.

-Не говорите так, отец! Грех мне резко вам отвечать, но... вы - первый хранитель наших законов - взяли в голову безумные мысли. Не позорьте род. Возьмите в руки вачи сердца. Вы - первый муж в степи - поддаетесь палочкам младенцев, и первая воробушек, сердце! Помните, когда глава народа рождает обиды дрянью, то и народ перестает их чтить. Откуда у вас такая греховная мысль, откуда лезет ваш просторный ум!?

Раздался стук, с шумом, вдруг, дверь. С горящими, как у затравленного волка глазами, взглядами в кибитку Данзан. В кибитке настала тугая тишина.

Поднявшись вскорот, старческой походкой вышел из кибитки отец, с'елживаясь под взглядом сына.

В степи раздался великий раздор.